

К. А. СЕМУШИНА

НОМИНАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СЮЖЕТОВ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РОМАНА В. МАКАНИНА «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

В статье показан механизм семиотизации текстов русской классической литературы в постмодернистском дискурсе.

Ключевые слова: знак, миф, сюжет, постмодернистский дискурс.

В романе В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» готовые сюжетные схемы воспринимаются как опознавательные знаки и модели поведения героя, выполняющие заместительную функцию. Любое имя русской классической литературы (далее – РКЛ) в духе игровой поэтики является носителем потенции своего «родного» сюжета; принятое субъектом, оно вынуждает его соответствовать некоему первосюжету, бывшему ранее, имеющему свои законы и структуру. В структурно-семиотическом ключе этот процесс можно представить в виде схемы впадения и выпадения героя из текста. Внутренний сюжет романа В. Маканина можно описать как уход героя от приготовленного имени – свернутого до имени сюжета РКЛ.

Первое из имен, с которым борется герой Петрович, связано с его бывшей профессией (бывшей, потому что во время действия романа герой уже сторож): он *поэт (автор, писатель)*. В сознании жителей общаги Петрович является писателем. Под этим предлогом они приходят к нему выговориться, высказаться, исповедаться. Одно из застолий даже оглашается тостом: «Петрович и Пушкин!». Только сам Петрович уже давно ничего не пишет.

Петрович пытается покинуть этот готовый сюжет, прекратив всякую деятельность, связанную с писательством: «Пишущий умолк по своей воле. Ни дня со строчкой» [1]. И ставит себе целью простое существование: «Вот твоё «я» – все на местах. Живи... Я с легким сердцем ощутил себя вне своих текстов, как червь вне земли, которой обязан. Ты теперь и есть – текст. Червь, ползающий сразу и вместе со своей почвой. Живи...» (С. 104). Избавившись от влияния этого сюжета, герой помещает себя в другой, которому и остается верным до последней страницы. По его мнению, это единственное имя, не разрушающее его «я». Второе имя героя – *Подпольный человек (сюжет «Записок из подполья»)*.

Мотив *андеграунда, подполья, метро* выражает стремление героя проникнуть в глубину своего существования, своего «я». Он понимает свое место в обществе, свою роль: «Андеграунд – подсознание общества» (С. 694). «Мы – подсознание России. Нас тут прописали» (С. 259). «Она

все-то пала на землю, низко, у самых ног, – пишет он о павшей девушке-блуднице. – Я же, если сравнивать, был андеграунд, был под землей, был слишком сам в себе» (С. 244). Мир андеграунда, связанный в сознании человека с некоторой конечной степенью упадка, особенно привлекателен для человека без опоры и видимых авторитетов: «Подполье, его соответствующая реклама как раз и подлавливают тех, кто вне текстов – одинок или вдруг брошен» (С. 69). Текст в данном случае воспринимается героем как носитель истины, идеала. Остаться вне текста – значит не знать свое имя, быть за пределами, играть не по правилам жанра. В подполье уходят те, кто осознает невозможность своего существования, но продолжают жить.

А. Терц, размышляя о загадке гения Пушкина, подчеркивал, что «всемирная отзывчивость» поэта заключалась именно в его способности быть никем, пустым, незавершенным: «Пустота – содержимое Пушкина. Без нее он был бы не полон, его бы не было... Любя всех, он никого не любил, и “никого” давало ему свободу кивать налево и направо...» [2]. Петрович, уходя в подполье, отказываясь от всех имен, находит в этом состоянии ту самую необходимую пустоту, жизненное пространство.

Герой остается в этом сюжете, потому что именно он позволяет быть никем, то есть, согласно философии героя, собой. Магистральный внутренний сюжет романа – защита своего «я», что периодически вынуждает героя играть по правилам следующего сюжетного имени – *Человек чести (сюжет: дуэль)*.

Этот сюжет оставляет герою возможность действительно отстаивать свое право не носить никакого имени: Петрович убивает двоих, но остается оправданным в своих глазах, так как целью убийства была защита чести.

Он остается в сюжете, и его жизнь похожа на череду дуэлей, заметных и не очень.

Совость героя беспокоит только произошедшее между ним и Чубисовым – это была не дуэль, а убийство. И именно это обстоятельство подчиняет героя другому сюжету и имени: *Раскольников (сюжет «Преступления и наказания»)*.

Герой осознает раскаяние как признак слабости «я». Этот сюжет навязчивее остальных, и тем

сильнее герой желает «не впустить в себя чудовищный, унижающий человека сюжетец о покаянном приходе с повинной. Покаяние – это распад. А покаяние им – глупость» (С. 387). Петрович, совершивший два убийства временами стремится (неосознанно) повторить сюжет Раскольникова: открыться блуднице, раскаяться, во всем признаться властям. Но в итоге побеждает не идея, предложенная РКЛ, а воля к жизни.

Герой вызывает в памяти другой сюжет как некоторое противоядие, нейтрализующее предыдущую ситуацию: литературный сюжет побеждается сюжетом из жизни. Для героя более авторитетным оказывается не придуманное, а пережитое: «Размышлял о не убий. (Самое время.) Конечно, литература нашего обманутого века в этом разделительном смысле не подскажет, одни жертвы. Зато XIX век... и предупреждение литературы (литературой)... Но ведь только оттуда и тянуло ветерком подлинной нравственности. А его мысль о *саморазрушении убийством* осталась почти как безусловная. Классика. Канон. (Литература для русских – это еще и огромное самовнушение.) Литература – как внушение. Как великий вирус. (Та литература все еще трудится внутри нас)» (С. 237).

Отстаивая себя, герой оказывается заключенным между двумя именами (Раскольников и Маленький человек), настолько противоположными и близкими друг другу, что избежать одного имени, не приняв другое, очень трудно. И поэтому следующая ипостась героя – *Маленький человек* (сюжет «Шинели»).

От этого имени Петрович отказывается тем резче, чем лучше понимает свою приближенность к названному сюжету. Имя «маленького человека» вполне заслуженно принадлежит Тетелину, который контрастирует с главным героем во внутреннем сюжете, несмотря на их похожесть во внешнем. Петрович и Тетелин – два сторожа общежития. Тетелин подражает походке Петровича, его манере разговора и другим привычкам. Это внешнее сходство вызывает в герое презрение к своему «двойнику», потому что тот был не собой, а лишь «эхом». Причины смерти Тетелина карикатурно повторяют судьбу Башмачкина: «Для погибшего это были уже не брюки, а символ и отчасти смысл бытия» (С. 158).

С одной стороны, герой не скрывает свою неприязнь к этому сюжету. С другой, он пытается этот сюжет игнорировать, не принимать на свой счет. Петрович словно и не замечает возможности этого сюжета для себя. Он стремится не раздуть свое «я», а отстоять право быть в этом мире не писателем, не сторожем – человеком. Для человеколюбия и гуманности РКЛ создала отдельный сюжет и, соответственно, имя – *Интеллигент* (сюжет «Палаты № 6»).

В романе отражается все та же бесполезность и неприкаянность мыслящего человека, царившая

как во времена РКЛ, так и в современном герою мире. Вспомним сюжет повести А. П. Чехова: в городе только два думающих человека, и те оказываются в психушке. Можно заметить переклички с Книгой Иова, который внезапно лишается всего. Но ситуация, ставшая завязкой сюжета Иова, является завершающей для Андрея Ефимыча. Его идейные философские основы не выдержали столкновения с жизнью, с их воплощением в реальности. Проблема интеллигенции коренится в ее оторванности от простых людей, замкнутости на своем только внутреннем мире, своих переживаниях, бесплотных идеях, оторванных от жизни. Это и есть причина финала «Палаты № 6», от которого сбегает Петрович благодаря состраданию, сочувствию.

Петрович этот сюжет преодолевает, осознанно вызывая в себе чувство жизни, желание жить, «хочет хотеть». Оппозиция «жизнь / текст» в романе перевернута: «текст / жизнь». Петрович становится не писателем – человеком. РКЛ гуманна по своей природе, ее тексты воспитывают чувствительность по отношению к другому. Она стремится оправдать человека, а не обвинить его. Это и помогает Петровичу выбраться из больницы: он вспоминает чувство сострадания, которое не позволяет остальным его чувствам исчезнуть, раствориться: «Почему столь бесчувственно (то есть не слыша чувств) я, человек Русской литературы, смотрю на насилие и созерцаю?» (С. 536). «Что за чужие страдания в стенах психушки? Что за всеспасаящая подсказка и что за литература опять?» (С. 520).

Именно в психушке герой ощущает власть другого над своим сознанием. Противостояние поэта (как обладателя «тайной свободы») и власти (как подавляющей структуры) стало темой многих произведений искусства и даже художественных направлений. В романе Маканина власть и ее цели и методы олицетворяются в образе психбольницы: «психушка – кусочек государства» (С. 426), «тот слезливо-уголовный мир, который они, врачи, придумали, утвердили и теперь заполняли нами, как персонажами» (С. 516).

Прослеживаются параллели (*герой / персонаж, жизнь / текст, поведение / сюжет, человек / имя*), определяющие (как и бинарные оппозиции, свойственные мышлению человека архаического мифа) особенности сознания читателя РКЛ, для которого она и состоявшийся во времени факт культуры, и завершенное, закрытое пространство, которое невозможно изменить или дополнить.

В романе А. Битова «Пушкинский дом» [3] автор рассматривает те же модели-мифы: «маленький человек», «дуэль», «герой / толпа», «поэт», «интеллигенция», заданные традицией РКЛ. Однако герой их воздействие на свое сознание признает только в конце романа. Роман Маканина повествует о жизни человека, который хочет избавиться от влияния литературы, а роман Битова – о предшествующем этому осознанию процессе.

В духе постмодернистской поэтики герой бунтует против автора и готовых схем своего литературного существования. Петрович – человек русской литературы, который стремится избавиться от ее диктата и не желает жить в мифе. Схема этого избавления проста: выпадение из текста в жизнь как преодоление клишированного поведения и шаблонизированного сознания.

Литература

1. *Маканин В. С.* Андеграунд, или Герой нашего времени. М., 2010. С. 678. Далее роман цитируется по этому изданию, в скобках указаны страницы.
2. *Терц А.* Путешествие на черную речку и другие произведения. М., 1999.
3. *Битов А.* Империя в четырех измерениях. М., 2002.

K. A. SEMUSHINA. NOMINATIVE FUNCTION OF RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE'S PLOTS IN THE ART SYSTEM OF THE NOVEL «UNDERGROUND, OR HERO OF OUR TIME» BY V. MAKANINA

This article is devoted to the mechanism of a semiotization of texts of the Russian classical literature in the post-modernist discourse.

Key words: sign, myth, plot, post-modernist discourse.

С. В. ГАВРИЛОВА

ПРОДВИЖЕНИЕ БИБЛИОТЕК И БИБЛИОТЕЧНЫХ УСЛУГ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: ОПЫТ ДОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В статье рассмотрены социальные медиа как новая коммуникационная среда для библиотек. Представлен опыт работы Донской государственной публичной библиотеки в социальных сетях.

Ключевые слова: Донская государственная публичная библиотека, социальные медиа, социальные сети, библиотечные блоги.

Появившиеся в сети Интернет социальные сети стали популярны среди разных возрастов населения. Они становятся объектом исследования и открывают новые возможности для их применения в разных сферах жизнедеятельности. Теория социальных сетей раскрывает определение социальной сети как социальной структуры с особыми типами связей и взаимоотношениями между людьми, организациями и/или событиями. Такие связи отбираются в зависимости от целей построения сети. На пользовательском языке, социальная сеть – это возможность создавать в Интернет свои профили и контактировать с другими участниками сети с помощью различных контентов, сообщений, выходить на новых людей через своих знакомых, создавать группы по интересам и т. д.

Новый вид коммуникации, социальные медиа, позволяют пользователю не только «потреблять», но и самому производить контент. «Выделяют семь разновидностей: социальные сети, блоги и микроблоги, форумы, сайты отзывов, фото и видеохостинги, сайты знакомств, геосоциальные сервисы» [1].

Особенностями социальных медиа являются неограниченные интерактивные коммуникации; непосредственное участие пользователей в генерации и ретрансляции медийного контента; высокая степень вовлеченности в процесс; максимальная скорость обратной связи; персонализация пользователя [2].

В век цифровых технологий и виртуального общения наш пользователь «ушел в Интернет». По

мнению автора, это создает новую площадку для творчества библиотек, позволяет нам использовать новейшие технологии для реализации своих функций и ставить библиотеки совсем на другой уровень, уровень гаранта культуры и интеллектуального развития, уровень не только центров образования, но и центров региональной памяти, и, наконец, уровень равенства с пользователями. Виртуальное пространство позволяет библиотекам позиционировать себя. Активно используя информационную площадку, можно размещать новости, афиши мероприятий, доступ к различным проектам и базам данных. Необходимо понимать, что такая деятельность в социальных медиа занимает огромное количество времени и становится профессиональной, а не хобби.

Интернет расширил границы. «К появлению известной фразы о шести степенях отдаления, после проведения эксперимента под названием «малый мир» психологом Стэнли Милграма, который установил, что два случайных гражданина США можно соединить через максимум шесть знакомых» [3]. Известные в соцсетях «круги» знакомых, друзей позволяют найти новых, а в дальнейшем и постоянных подписчиков. Это должен быть «живой организм» с дискуссиями по решению различных профессиональных вопросов, высказываниями мнений, инициатив и предложений. Работа в комплексе для разных целей и для разной аудитории – работа по ведению ни одного блога, а эффективность нескольких социальных медиа. Польза соцсетей – возможность мониторинга с последующим